РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Я родился и рос в типичном украинском селе[1] на Черкасщине, расположенном менее чем в двухстах километрах на юг от столицы Украины. Село наше стоит на левом берегу речки Тясмин, одного из притоков Днепра. До чего же красивое было это село! Зеленые холмы возвышались на юге за рекой, черная, как смола, плодородная равнина тянулась на север. Вся она была испещрена полосами полей. Каждый год весной и летом эти полосы сливались в сплошное море пшеницы. Волны с любовью выращенного зерна, зелёные повесне и золотистые летом, слегка покачивались под ласковым ветерком. После жатвы поля вновь стояли голые и чёрные, будто в трауре по утраченной красоте. В конце года наступала новая смена цвета – зимняя белизна сливалась на горизонте с серо-синим морозным небом.

Село было большое – в нём насчитывалось примерно восемьсот хозяйств и проживало почти четыре тысячи человек. В центре стояли общественные постройки – церковь, школа, магазин, сельский совет, почта и дом, в котором жил и работал врач. Площадь посреди села служила местом гуляний, общественных собраний и ярмарок.

Как заведено в украинских сёлах, хаты стояли близко одна к другой. Немощеные улицы никак не назывались, хотя каждая усадьба имела свой номер. Через село проходил также немощеный пыльный тракт, который соединял нас с окружающим миром.

Наши хаты были простые по конструкции и исполнению. Деревянный каркас из грубо отёсанных бревен обмазывали

[1] Село Вергуны Черкасского района Черкасской области.

глиной, а сверху хаты обычно покрывали соломенными снопами. Жестяная кровля считалась признаком зажиточности, и я припоминаю лишь несколько таких крыш на всё село. Большинство хат состояли из одной комнаты, которая служила для всех потребностей, включая приготовление пищи и сон. Деревянный пол также был редкостью. Полы, как и стены, были глиняными. Но хоть бы какими немудреными по строению казались наши жилища, хоть какими примитивными были бытовые удобства – в хатах всегда было чисто прибрано и уютно.

Перед каждой хатой красовался цветник, а за ней обязательно росли хоть несколько фруктовых деревьев. Во дворе у каждого хозяина греблись куры, в загородках гоготали гуси и крякали утки. В конюшне стоял конь, в сарае – одна или две коровы, в хлеву – хрюкало по нескольку свиней. Почти в каждом дворе похаживала или лежала привязанная на цепи собака.

Село наше было перенаселено, и лишь некоторые хозяева имели свыше двадцати десятин земли. Но, несмотря на свою нужду, крестьяне не теряли веры и не падали духом. После целого дня тяжкого труда весной и летом молодёжь собиралась на своих углах на перекрёстках: песни, танцы и другие развлечения не утихали до поздней ночи. Было принято ходить в гости к родственникам и знакомым целыми семьями, пребывание в гостях после хорошей выпивки и закуски сопровождалось играми и всякими развлечениями: несмотря на все запреты, крестьяне умудрялись гнать для себя достаточно собственной водки.

Наше село жило единой общиной. Между соседями было заведено помогать друг другу в ежедневной работе или в каких-то чрезвычайных случаях. Каждая такая толока заканчивалась многолюдной вечеринкой. Ради такого случая нанимали музыкантов – гармониста и скрипача, которые подыгрывали танцующим. Столы были заставлены различными блюдами и напитками, веселье продолжалось до самого рассвета.

Мы были совершенно свободны в передвижении. Каждый мог идти или ехать куда хотел – ради собственного удовольствия, либо в поисках заработков. В большинство городов и соседних городков мы ездили на свадьбы, на храмовые праздники или на похороны. Никто у нас не спрашивал документов, никого не касалось, кто куда выбрался. Мы были свободными людьми.

Гостеприимство было делом чести. Каждый, кто входил в хату, был желанным гостем. Мы, возможно, и сами иногда не вдоволь наедались, но гостя угощали всем, что было лучшего в хате.

Хотя в повседневной жизни каждому не хватало то того, то сего – страха никто ни перед кем не испытывал. Двери в хату днем никогда не запирались. Любой – стар и млад, ребенок или взрослый мог смело входить в село и выходить из села, без боязни, что кто-то к нему придерется.

Наступление зимы мы приветствовали всеобщей радостью, и мне кажется, что чем суровей была зима, тем больше она нравилась, особенно нам, детворе и молодежи. Мы без устали катались на коньках, на лыжах, спускались с холмов на санках. Лютые морозы, глубокие снега и метели делали зиму временем отдыха для крестьян – разумеется, если это бывало после урожайного лета. Короткие зимние дни и долгие вечера мы проводили преимущественно у себя дома. Никто не жаловался на холод, поскольку дров хватало. Управившись с живностью и переделав домашнюю работу, оставалось лишь наслаждаться домашним уютом – мы читали, писали, рассказывали разные истории, играли, пели и танцевали.

Но вот в 1929 году распространились слухи, что коммунистическая партия и советское правительство издали постановление о коллективизации всех крестьянских хозяйств. Такие объединения в форме ТСОЗ (Товариществ Совместной Обработки Земли, их еще называли СОЗами), артелей, коммун, совхозов, собственно, уже и раньше существовали. Эти коллективы или сельскохозяйственные кооперативы (за исключением совхозов и коммун) не были каким-то коммунистическим изобретением, поскольку существовали еще с дореволюционных времен. Как добровольные кооперативные объединения крестьян, они организовывались в основном для обеспечения гарантированного рынка сбыта продукции, получения государственных кредитов и взаимопомощи сельскохозяйственным инвентарём и посевным материалом.

В Украине конца 20-х годов были известны два типа сельскохозяйственной кооперации: ТСОЗы и артели. В ТСОЗах обобществлялись только труд и земля, или часть их, и тяжёлый

хозяйственный инвентарь. Домашние животные, жилища и даже некоторая часть земли могли оставаться в частном владении. В таком довольно свободно организованном объединении членство можно было приостановить без особых затруднений.

Артель означает группу людей одной профессии, объединённых в производственный кооператив. Сельскохозяйственные артели были союзами крестьян, которые объединили всю свою землю и орудия производства, а также труд и тягловую силу. Членам артели платили либо деньгами, либо натурой соответственно вложенной доле труда. Члены артели могли иметь свои хаты, корову и других домашних животных, как то овец, коз, свиней и птицу. Во время всеобщей коллективизации в Советском Союзе артель была принята за основную форму того, что позднее стало известно под названием коллективного хозяйства.

Были еще какое-то время сельскохозяйственные коммуны, которые по коммунистической теории должны были стать высшей формой организованной жизни и труда на селе; они возникли во время военного коммунизма (в гражданскую войну 1918–21 гг.). Коммуны возникали преимущественно в бывших помещичьих усадьбах, и характерными их признаками был не только коллективный труд, а и обобществленная каждодневная жизнь в коммунальных общежитиях с общими кухнями, детскими яслями и так далее. Члены таких коммун ничего не имели в личной собственности, кроме вещей личного пользования. Хоть коммунистическая партия и правительство всячески поддерживали коммуны, из них так ничего путного и не получилось, вследствие чего их вскоре закрывали или чаще превращали в государственные хозяйства, то есть совхозы. Совхоз – это была по сути государственная усадьба, где наёмные сельскохозяйственные работники были уже вовсе не крестьянами: они получали регулярную зарплату, не имея права голоса ни в разделе прибылей, ни в управлении хозяйством.

Все эти разнородные коллективы организовывались на добровольных началах и, как казалось в то время, ничем не угрожали независимому крестьянству. Более того, крестьяне, зачастую, будучи свидетелями провала таких хозяйств, еще и подсмеивались над разговорами о коллективизации. Дескать,

разве же власть настолько глупая, что будет повторять свои собственные ошибки? Но слишком рано они смеялись.

Примерно в конце декабря 29-го года, когда слухи о принудительной коллективизации начали уже подтверждаться, в нашем селе появились какие-то посторонние люди. Вскоре мы узнали, что это были официальные представители партийных и советских органов, присланные к нам организовывать коллективное хозяйство.

Старший в группе, которая состояла примерно из десяти человек, назывался "двадцатипятитысячником", а его помощники "пропагандистами". Для нашего уха это были непривычные слова, но очень быстро мы усвоили, что они означают.

На осуществление принудительной коллективизации Центральный Комитет ВКП(б) мобилизовал по всей стране 25 тысяч самых активных и верных партийцев. Отсюда и происходит название участника этого отборного отряда коммунистов – "двадцатипятитысячник", а по-нашему, сокращенно – просто "тысячник". После короткого инструктажа, который касался метода проведения коллективизации, этих тысячников рассылали в разные сельские районы. Чтобы их миссия была более эффективной, их наделили, по сути, неограниченной властью. За свою работу они отвечали непосредственно перед Центральным Комитетом КП(б) Украины.

Каждого тысячника сопровождала целая гурьба пропагандистов, набранных в каждом районе из местных коммунистов и комсомольцев.

Тысячник и его пропагандисты были людьми городскими. Это были преподаватели вузов, учителя, фабричные специалисты. Едва появившись в нашем селе, некоторые из этих пришлых попытались сблизиться с местными людьми, для чего заводили с ними разговоры. Другие просто сновали по селу и с интересом присматривались ко всему вокруг и к каждому встречному, будто отродясь не видали села или крестьянина.

Их внешний вид смешил нас: эти бледные лица и городская одежда производили странное впечатление на фоне сельского окружения. Осторожно переставляя ноги, чтобы не набрать снега в свои до блеска начищенные ваксой туфли, они были среди нас чужеродным явлением.

Они и демонстрировали заинтересованность, а то и восхищение всем вокруг, но все же не могли скрыть свое абсолютное незнание сельского быта. Крестьяне смеялись над их городским поведением, и через несколько дней эти пришельцы стали героями разных смешных историй.

Нашего тысячника звали Цейтлин, точнее – "товарищ Цейтлин". Только так его все и звали, хоть он и прожил в нашем селе несколько месяцев. "Товарищ Цейтлин" был для нас скорее символом господствующей власти, чем реальной личностью. Мы узнали, что он приехал из Киева и что он был членом партии еще до революции. Никто из нас не знал, чем он занимался прежде, хоть видно было, что в сельской жизни он разбирался весьма поверхностно. Никто также не мог угадать его национальности. По-украински он немного говорил, но по произношению было понятно, что он не нашего рода.

"Товарищ Цейтлин" был невысокого роста, большеголовый и узкоплечий. Мы никогда не видели, чтобы он улыбался. Ходил он всегда чем-то озабоченный, чаще всего молча, а когда и говорил, то лишь об официальных делах и языком партийных лозунгов и затёртых фраз. С местными людьми почти не здоровался, разве что, бывало, ответит кому-нибудь на приветствие, да и то небрежно.

Все партийные и правительственные представители, понаехавшие в наше село, имели при себе какое-то оружие, но прятали его. Однако "товарищ Цейтлин", очевидно, был неуверен, полюбило ли его наше село, поскольку свой револьвер носил открыто, напоказ. К руководству он приступил незамедлительно. Уже в первый день по приезду он начал ходить от хаты к хате. Эти посещения породили много смешных рассказов. Особенно часто пересказывали такую историйку: в конюшне у одного хозяина кобыла хлестанула его хвостом по лицу, оставив на нём полосы навоза.

– Ух, – гаркнул он сердито, – проклятая корова! – и лягнул кобылу. Кобыла ответила ему тем же, так что крестьянину пришлось поднимать на ноги "товарища Цейтлина".

Но кобылье копыто не сбило его с инспекционного курса. В коровнике он сделал другую ошибку. Может, желая показать крестьянину, что он все-таки не страшится домашних животных, он подошёл к телёнку.

– Какой красивый жеребенок! – воскликнул “товарищ Цейтлин”.

Как вежливый человек, хозяин не решился поправить гостя после первой его ошибки, но после второй он всё же мягко заметил:

– Да это не жеребёнок. Это телёнок, коровий ребёнок. А жеребёнок – это лошадиное дитя.

– Жеребенок или теленок, – ответил “товарищ Цейтлин”, – это не имеет значения. Мировая пролетарская революция от этого не пострадает.

Последняя фраза была его любимым выражением, хотя в то время мы, крестьяне, не понимали, что она означает. Но нам было смешно, что представитель партии и правительства не отличает коня от коровы, а теленка от жеребенка.

Однако своё дело “товарищ Цейтлин” знал хорошо. Знал он также все партийные указания и как их следует исполнять. Пока крестьяне веселились и развлекались, пересказывая друг другу историйки о невежестве “товарища Цейтлина”, в сельсовете вовсю кипела работа. Посыльные, сея вокруг себя страх и любопытство, разносили отдельным крестьянам вызовы немедленно явиться в сельсовет. Чуть ли не каждый день прибывали в село разные визитёры, часто это были военные командиры довольно высокого ранга. Не единожды можно было увидеть, как тысячник в сопровождении сельского и приезжего начальства ходил с проверкой по хатам.

А однажды в село приехала бригада связистов и быстро провела телефонную линию от нашего села до райцентра. Мало кто в селе знал в то время, что это такое – телефон, но и те, кто знал, едва ли догадывались с какой целью его провели в наше село. А начальство не упускало случая подать это как символ великого достижения на пути непрерывного прогресса, на который ступило село под руководством коммунистической партии.